

Верховный король

Автор:

[Ллойд Александер](#)

Верховный король

Ллойд Александер

Хроники Придайна #5

Знаменитая сага Ллойда Александера «Хроники Придайна», удостоенная многих литературных наград, среди которых Всемирная премия фэнтези и две медали Ньюбери, подошла к своему завершению.

Наступил день, когда юному Тарену пришлось встать на защиту родной земли. Это уже не приключение, не путешествие, не стычки с колдунами или поиски своих корней – это настоящая война, война со злом! Самое трудное испытание для героя, его возлюбленной принцессы Эйлонви и его друзей – испытание, которое все расставит по своим местам и укажет Тарену его истинное место в этом мире.

Ллойд Александер

Хроники Придайна. Книга 5

Верховный король

Lloyd Alexander

THE HIGH KING

Copyright © 1968 by Lloyd Alexander. Renewed 1996.

By arrangement with The Free Library of Philadelphia Foundation.

All rights reserved

© Л. Л. Яхнин, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Мальчикам, которые могут быть Тареном,

и девочкам, которые всегда будут Эйлонви

От автора

«Хроники Придайна» принесли мне больше писательской радости, чем какие-либо другие мои книги. Грустно завершать этот путь, и я понимаю, что невозможно беспристрастно говорить о таком долгом труде, в который вложено столько души.

Тем не менее я должен предупредить читателей пятой хроники: ждите неожиданностей. Само повествование немного иное, охват шире. Здесь больше внешних столкновений, однако я старался добавить больше внутреннего содержания; если форма ближе к традиционной героической саге, надеюсь, персонажи получились живыми людьми. И хотя речь идет о великой борьбе, когда подвиги пришлось совершать всем: Тарену, принцессе Эйлонви, Ффлеуддуру Ффламу и даже свинье-прорицательнице Хен Вен, – то, что случилось потом, серьезней, чем сама битва. Окончательный выбор, которого не избежать никому, даже верному Гурги, невыносимо труден. По счастью, в реальном мире такой выбор перед нами не встает – по крайней мере, буквально такой же. Однако в каком-то смысле мы совершаем этот выбор снова и снова, потому что для нас он никогда не бывает окончательным. Правильный ли выбор сделал Тарен и какой у книги финал – счастливый, печальный или то и другое вместе – решать читателю.

Эту хронику, как и предыдущие, можно читать независимо от других. Однако она дает ответ на некоторые давние вопросы. Почему бесчестному Мэггу позволили сбежать из замка Ллира? Что случилось с глупым великаном Глеу? Разумно ли поступил Даллбен, приютив у себя королеву Акрен? И конечно, главное: кто родители Тарена?

Что до самого Придайна, отчасти это исторический Уэльс, отчасти – Уэльс, которого никогда не было. Поначалу я думал, что это маленькая страна, существующая лишь в моем воображении, однако с тех пор она для меня стала гораздо больше. Да, Придайн вырос из валлийских легенд, но мне пришлось сильно его расширить, чтобы вымышленный мир стал значим для мира реального.

Первые друзья моих героев так же верны им, как были в начале пути; за годы эта дружба только окрепла. Я обязан им больше, чем они догадываются, и, как всегда, с любовью посвящаю им эти страницы и надеюсь никого не разочаровать. Быть может, порой они обижались, что я прошу их набраться терпения, но мне они за это время стали еще дороже.

Ллойд Александер

Глава первая

Возвращение домой

Под серым, холодным небом неспешно ехали двое всадников. Один из них, высокий и стройный, наклонился вперед, навстречу ветру, и не отрывал взгляда от дальних холмов. На поясе у него висел меч, а за спину был закинут окаймленный серебром боевой рог. Его спутник, Гурги, лохматый, как и пони, на котором тот восседал, зябко кутался в плащ, тер замерзшие уши и хныкал так жалобно, что Тарен наконец придержал коня.

– Нет, нет, – всхлипывал Гурги, – верный Гурги готов ехать вперед! Он последует за добрым хозяином, о да, как всегда! Не обращай внимания на все его всхлипы и хрипы! Не жалея его бедную, слабую голову!

Тарен улыбнулся, видя, что Гурги хоть и хорохорится, но с надеждой поглядывает на уютную, окруженную вязами полянку.

– Мы не спешим, – ответил он. – Да, мне хочется поскорее доехать до дома, но не ценой твоей слабой, бедной головы. Мы сделаем здесь привал, а утром двинемся дальше.

Они привязали лошадей и разожгли костерок, огородив его кольцом из камней. Гурги засыпал сидя. Не успев даже дожевать свою еду, он свернулся калачиком и сладко захрапел. Тарен, преодолевая усталость, сидел у костра и чинил кожаную упряжь. Внезапно он замер и тут же вскочил на ноги. Прямо с неба на него падал черный комок.

- Гурги! – закричал Тарен.

Отяжелевший со сна, Гурги сел и часто заморгал.

- Гурги! Посмотри! Это Карр! – радовался Тарен. – Ее, наверное, послал за нами Даллбен!

Ворона захлопала крыльями, защелкала клювом и закаркала во все горло еще до того, как опустилась на протянутую руку Тарена:

- Пр-принцесса! Пр-принцесса Эйлонви! Каер-р-р! Каер-р-р! Домой! Домой!

Усталость, словно плащ, свалилась с плеч Тарена. Гурги, окончательно проснувшись, с радостным воплем побежал отвязывать лошадей. Тарен вскочил в седло серого своего коня Мелинласа и галопом поскакал прочь из рощи. Карр сидела у него на плече, Гурги на пони еле поспевал следом.

Они не слезали с седла и день и ночь, останавливаясь лишь для того, чтобы напоить коней, наскоро перекусить и прикорнуть на полчаса. И снова неслись вперед, не щадя себя и лошадей, все время на юг, по горной долине к Великой Аврен и дальше, пока однажды ясным утром не увидели знакомые поля Каер Даллбен.

Не успев переступить порог, Тарен попал в такой круговорот суматохи и радостной суеты, что толком не понимал, куда повернуться. Карр хлопала крыльями и пронзительно каркала. Колл, чья большая лысая голова и широкое лицо сияли, словно полная луна в ясную ночь, хлопал Тарена по спине. Гурги вопил и скакал от восторга. Даже древний волшебник Даллбен, который обычно не любил отвлекаться от размышлений, приковылял из своей хижины и молча глядел из-под лохматых бровей на взбудораженных обитателей обычно тихой усадьбы. Тарен никак не мог пробиться к Эйлонви, хотя отчетливо слышал в шуме голос принцессы.

- Тарен из Каер Даллбен, – воскликнула она, когда он двинулся в ее сторону, – я уже несколько дней тебя жду! Я столько времени училась быть молодой леди... будто до тех пор ею не была. И вот наконец вернулась, а тебя нет!

В следующий миг он оказался рядом. На груди принцессы по-прежнему блистал серебряный полумесяц; палец тяжело кольцо, сделанное мастерами Дивного Народа. Однако теперь ее лоб охватывал тонкий золотой обруч, и Тарен, глядя на богатое одеяние девушки, со смущением вспомнил о своем запыленном плаще и заляпанных грязью башмаках.

- И если ты думаешь, будто в замке жить приятно, - не переводя дыхания, продолжала тараторить Эйлонви, - то могу уверить тебя - ты ошибаешься! Скучно и тоскливо! Меня заставляли спать на перинах и подушках, набитых гусиным пухом, таких больших, что в них можно задохнуться. Думаю, гусям они нужны больше, чем мне... я про пух и перья, разумеется, не про подушки. И слуги, подающие тебе как раз ту еду, которую ты терпеть не можешь... И голову мыть без конца... И вышивание, и реверансы, и все такое, о чем и вспоминать-то не хочется. Уж не помню, сколько времени я не прикасалась к мечу...

Эйлонви вдруг резко замолчала и с любопытством посмотрела на Тарена.

- Странно, - проговорила она, - с тобой что-то произошло. Даже волосы будто не твои, хотя по-прежнему выглядят так, будто ты стригся сам и с закрытыми глазами. Ты... ну, не могу я объяснить. В смысле, если ты сам не скажешь, никто не угадает в тебе Помощника Сторожа Свиньи.

Тарен ласково рассмеялся, глядя на озадаченно нахмурившуюся Эйлонви:

- Что верно, то верно, давно я не ухаживал за Хен Вен. Мы с Гурги путешествовали по стране Свободных коммотов. Чем только мне не пришлось заниматься! А вот на скотном дворе я так и не побывал. Я соткал этот плащ своими руками на ткацком станке Двивах Ткачихи. Я выковал этот меч в кузнице Хевидда Кузнеца. А это, - с легкой грустью проговорил он, вытаскивая из-за пазухи глиняную миску, - я слепил на гончарном круге Аннло Горшечника. - Тарен вложил миску в руки Эйлонви. - Если тебе нравится, бери.

- Красивая, - протянула Эйлонви, разглядывая миску. - Я буду ею дорожить. Но ты не понял меня. Я не говорила, что ты уже не годишься в Помощники Сторожа Свиньи. Лучше тебя этого не делал никто в Придаине. Но что-то еще в тебе появилось...

– Пожалуй, принцесса угадала главное, – вставил Колл. – Уезжал от нас просто помощник на скотном дворе, а вернулся мастер на все руки.

Тарен печально покачал головой:

– Не знаю, много ли я умею, зато знаю наверняка, что я не ткач, не кузнец, и гончара, увы, из меня тоже не выйдет. Когда Карр нас разыскала, мы с Гурги уже ехали сюда, чтобы остаться здесь навсегда.

– Рада слышать, – ответила Эйлонви. – Я боялась, что ты будешь странствовать до скончания дней. Даллбен рассказал мне, что ты отправился искать родителей и встретил кого-то, кого считал своим отцом, но ошибся. Так? Я уж совсем запуталась в твоих приключениях. Ничего не понимаю.

– А тут и понимать-то нечего. Что я искал, то нашел. Хоть и не то, на что надеялся.

– Нет, – проговорил Даллбен, который внимательно прислушивался к их разговору, – ты нашел больше того, чем искал, и обрел, возможно, больше, чем догадываешься.

– Я по-прежнему не понимаю, зачем ты вообще уезжал из Каер Даллбен, – начала Эйлонви.

Ответить Тарен не успел, потому что кто-то ухватил его за руку и принялся неистово ее трясти.

– Привет, привет! – закричал белобрысый и голубоглазый юноша в богато расшитом плаще, таком мятом, будто его намочили и хорошенько отжали, а расправить забыли. Рваные ремешки его обуви были кое-как связаны крупными неумелыми узлами.

– Принц Рун! – едва узнал его Тарен. Рун стал выше ростом и здорово похудел. Зато улыбка его была по-прежнему широкой, во все лицо.

– Не принц, а король Рун, – со вздохом поправил его молодой человек. – Отец мой, король Руддлум, умер прошлым летом. А я вот привез Эйлонви. Королева

Телерия хотела оставить принцессу на Моне. Надо, говорила она, завершить ее воспитание. Ты же знаешь мою мать: ее бы и сам Даллбен не уговорил. И поэтому, – Рун приосанился и гордо взглянул на Тарена, – поэтому я сам, собственной волей, принял решение. Я приказал снарядить корабль, и мы отплыли с Моны. Удивительно, что может сделать король, если только пожелает! Мы привезли с собой и еще кое-кого.

Рун указал в сторону очага. Только сейчас Тарен заметил толстенького коротышку, который сидел, зажав между колен котелок. Незнакомец облизал пальцы и наморщил нос, глядя на Тарена исподлобья. Он и не подумал встать или хотя бы приподняться в знак приветствия, только коротко кивнул, будто они знакомы сто лет. Жидкие волосы вокруг его лукообразной головы затрепетали, как водоросли под водой.

Тарен глядел, не веря своим глазам. А человечек приосанился и фыркнул высокомерно и в то же время обиженно.

– Мог бы запомнить меня: не так часто встречаешься с великанами! Забыл? – с досадой проговорил он.

– Да как я могу забыть? – воскликнул Тарен. – Еще как помню! Пещера на Моне! Когда я в последний раз тебя видел, ты был... побольше ростом, мягко говоря. И все равно это ты! Глеу!

– Будь я по-прежнему великаном, – проворчал Глеу, – меня бы все узнавали. Тогда, в пещере...

– Ты угодил в самое больное место, – прошептала Эйлонви. – Теперь его не остановишь. Станет вспоминать о тех славных деньках, когда был великаном. Замолкает он только для того, чтобы поесть, и перестает есть лишь для того, чтобы поговорить. Я еще могу понять и простить его обжорство. Еще бы – питаться так долго одними поганками! Но зачем он все время говорит про свое великанство? Казалось бы, ему было так плохо, что надо поскорее это время забыть!

– Я знал, что Даллбен послал Карр с обещанным зельем для Глеу, чтобы вернуть ему прежний вид, – сказал Тарен, – но что произошло дальше, понятия не имею.

– Вот что с ним случилось, – с готовностью принялась объяснять Эйлонви. – Как только Глеу уменьшился до своих размеров и смог вылезти из пещеры, он пришел в замок Руна. Там он всех до смерти замучил своими бесконечными и бестолковыми рассказами. Но прогнать его ни у кого не хватило духа. А когда мы собрались плыть сюда, то взяли его с собой, думая, что он захочет поблагодарить Даллбена. Не тут-то было! Нам пришлось его чуть не за уши тащить на корабль. Я уж теперь жалею, что мы не оставили его на Моне.

– Даже Глеу здесь, – проговорил Тарен, оглядываясь, – а троих наших лучших друзей я не вижу. Нет старого доброго Доли и Ффлеуддура Ффлама. И я надеялся, что принц Гвидион приедет встретить Эйлонви.

– Доли прислал привет, – сказал Колл. – Но придется обойтись без его общества. Нашего друга-карлика выковырять из его подземного королевства так же трудно, как выкорчевать старый пень в поле. Что до Ффлеуддура, то он как раз легок на подъем, как перекасти-поле. Ничто не удержит его от веселой встречи. Думаю, он скоро явится сюда вместе со своей арфой.

– Принца Гвидиона тоже ждем, – добавил Даллбен. – Кое-что нам надо с ним обсудить и обдумать. Но вы, молодежь, конечно, вольны считать, будто важнее возвращения домой принцессы и Помощника Сторожа Свины нет ничего на свете.

– Ладно, я это опять надену, когда приедут Ффлеуддур и принц Гвидион, – сказала Эйлонви, снимая с головы золотой обруч. – Просто для того, чтобы и они могли посмотреть, как эта штука выглядит. А пока пусть моя голова отдохнет. Обруч так давит, будто тебе сжимают шею, только выше.

– Что ж, принцесса, – улыбнулся Даллбен, отчего его морщинистое лицо сморщилось еще сильнее, – корона больше обуза, чем украшение. Если ты это поняла, то уже научилась многому.

– Научилась! – воскликнула Эйлонви. – Да я этого учения вдосталь наглotalась. По мне не видно, так что вы и не поверите! Хотя погодите. Вот чему меня выучили. – Она достала из-под плаща сложенный вчетверо кусок ткани и почти смущенно протянула его Тарену. – Я вышила это для тебя. Правда, она не совсем еще закончена, но все равно возьми. Хотя моя работа совсем не такая красивая, как те вещи, что делал ты.

Тарен развернул ткань. На полосе шириной в размах его рук была на зеленом поле вышита кривыми стежками белая голубоглазая свинья на зеленом поле.

– Я хотела изобразить Хен Вен, – пояснила Эйлонви.

Рун и Гурги протиснулись поближе, чтобы рассмотреть ее рукоделие.

– Сперва я пыталась вышить здесь и тебя тоже. Потому что ты любишь Хен Вен и потому что я... я думала о тебе. Но ты получился похожим на тоненькую рогульку с птичьим гнездом наверху. Пришлось вышивать заново, но уже только одну Хен Вен. А ты просто вообрази, что стоишь рядом, чуть левее, вон в том углу. Иначе я бы и за год не управилась. И так целое лето провозилась.

– Если и вправду, вышивая, ты думала обо мне, – тихо сказал Тарен, – то лучшего подарка я и не желаю. И не важно, что глаза у Хен Вен на самом деле карие.

Губы у Эйлонви задрожали.

– Тебе не нравится? – потерянно спросила она.

– Нравится, очень нравится! – с горячностью воскликнул Тарен. – Какая разница, карие ли, голубые у нее глаза. Это полотно мне пригодится...

– Пригодится? – вспыхнула Эйлонви. – Это подарок на память, а не попона для твоего коня, Тарен из Каер Даллбен! Ничего ты не понял!

– Зато я знаю, какого цвета глаза у Хен Вен, – с добродушной усмешкой ответил Тарен.

Эйлонви встряхнула рыжевато-золотыми волосами и фыркнула:

– И наверняка забыл, какого цвета глаза у меня!

– Ничего подобного, принцесса, – тихо проговорил Тарен. – Не забыл я и того дня и часа, когда ты подарила мне вот это. – Он снял с плеча боевой рог. – Мы и представить себе не могли, какая в нем сокрыта сила! Правда, теперь ее больше нет. Но я все равно ценю этот рог, потому что получил его из твоих рук.

Он пристально поглядел в глаза Эйлонви и продолжал:

– Ты хочешь знать, зачем я так упорно искал своих родителей? Я надеялся, что мое происхождение окажется благородным и я получу право просить то, чего раньше не смел. Надежды мои не оправдались. И тем не менее...

Тарен умолк, подыскивая слова, но продолжить не успел. Дверь хижины резко распахнулась, и он, обернувшись, чуть не вскрикнул.

В дверях стоял Ффлеуддур. Лицо барда было мертвенно-бледным, его обычно всклокоченные желтые волосы прилипли к влажному лбу. На плече он держал бессильно обмякшее тело какого-то человека.

Тарен, а следом за ним и Рун кинулись помочь барду. Гурги и Эйлонви тоже поспешили к нему. Все вместе они осторожно опустили беспомощное тело на пол. Глеу стоял поодаль не двигаясь. Вислые щеки его дрожали. На миг Тарен оцепенел. Но уже в следующее мгновение руки его действовали быстро и проворно – расстегивали плащ, снимали порванную и окровавленную куртку. Перед ним на плотно утрамбованном земляном полу лежал Гвидион, принц Дома Дон!

Кровь коркой запеклась на его серых, по-волчьи жестких волосах, пятнами застыла на морщинистом лице. Губы раздвинулись, и казалось, он в ярости скалит зубы. Одна пола плаща была обмотана вокруг правой руки, словно под конец у него не осталось другой защиты от смертоносных ударов.

– Лорд Гвидион убит! – вскричала Эйлонви.

– Он жив... или, вернее, чуть жив, – проговорил Тарен. – Неси лекарства, – приказал он Гурги, – целебные травы из моей седельной сумки... – Он обернулся к Даллбену. – Прости. Не пристало мне приказывать под крышей моего хозяина. Но эти травы обладают большой силой. Их когда-то дал мне Адаон, сын Талиесина. Они твои, если пожелаешь.

– Я знаю их свойства, и у меня нет лучших, – ответил Даллбен. – И ты имеешь право приказывать где угодно, даже и под моей крышей, ибо научился повелевать собой. Я доверяю твоему искусству, поскольку вижу, что ты в нем

уверен. Делай то, что считаешь нужным.

Колл уже спешил из кухни с большой миской воды. Даллбен, стоявший на коленях перед почти бездыханным Гвидионом, приподнялся и обратился к барду:

– Чьих рук это злое дело? – Старый волшебник говорил почти шепотом, но голос его звенел в тесной хижине, а глаза пылали гневом. – Кто осмелился на него напасть?

– Охотники Аннуина, – ответил Ффлеуддур. – Но пытались они отнять две другие жизни. Как ты себя чувствуешь? – спросил он Тарена. – И как ты сумел так быстро от них уйти? Благодарю судьбу: сумел вырваться из их лап.

Тарен озадаченно посмотрел на барда:

– Я не понимаю смысла твоих слов, Ффлеуддур.

– Смысла? – переспросил бард – Мои слова означают то, что они означают, и ничего больше. Гвидион готов был отдать свою жизнь вместо твоей, когда Охотники напали на тебя меньше часа назад.

– Напали на меня? – Тарен уже ничего не мог понять. – Как это могло быть? Гурги и я не видели никаких Охотников. И час тому назад мы были уже в Каер Даллбен.

– Клянусь Великим Белином, Ффлам говорит лишь то, что видел своими глазами! – вскричал бард.

– У тебя лихорадка, ты бредишь. Ты, наверное, тоже ранен. И серьезнее, чем думаешь. Отдохни. Мы вылечим тебя. – Тарен вновь склонился над Гвидионом, развязал мешочек с травами, что принес Гурги, и замочил их в миске с водой.

Лицо Даллбена было мрачным.

– Говори, бард, – сказал он, – меня беспокоили твои слова.

– Лорд Гвидион и я ехали вместе из северных земель, – начал Ффлеуддур. – Мы переправились через Аврен и были уже на пути сюда. Немного впереди нас, на поляне... – Бард замолчал и пристально поглядел на Тарена. – Я видел тебя собственными глазами! Тебя сильно теснили. Ты закричал нам, прося помощи, и даже махнул рукой, чтобы мы поторопились.

Тарен удивленно пожал плечами.

– Гвидион опередил меня, – продолжал Ффлеуддур. – Ты, Тарен, уже ускакал за деревья. Гвидион мчался за тобой быстрее ветра. Лриан буквально стлалась над землей, но к тому времени, когда я влетел в лес, тебя там не было. Зато было полно Охотников. Они стащили Гвидиона с седла. Плохо бы им пришлось, подоспей я вовремя! – воинственно воскликнул бард. – Но когда я подъехал, они уже умчались. Гвидион был почти при смерти, и я не рискнул оставить его, пустившись в погоню за Охотниками. – Ффлеуддур опустил голову. – Я не сумел бы вылечить его сам. Мог только дотащить его сюда.

– Ты спас ему жизнь, друг мой, – сказал Тарен.

– И потерял то, за что Гвидион отдал бы жизнь! – горестно воскликнул Ффлеуддур. – Охотникам не удалось убить его, но сотворили они не меньшее зло. Забрали его меч! Меч и ножны!

У Тарена перехватило дыхание. Занятый ранами своего старшего друга, он и не заметил, что Дирнвин, грозный черный меч, всегда висевший на поясе у Гвидиона, сейчас отсутствует. Дирнвин, волшебный клинок непобедимой древней силы, теперь в руках Охотников. Они отнесут его своему хозяину Арауну, королю Земли Смерти, в мрачный Аннуин!

Ффлеуддур опустил голову на пол и уронил голову на руки.

– Ничего не понимаю, – прошептал он. – Значит, это не ты нас звал?

– Что ты видел, я не знаю, – ответил Тарен. – И не будем пока об этом. Жизнь Гвидиона – вот наша первая забота. Мы поговорим обо всем, когда память твоя прояснится и ты придешь в себя.

– Память арфиста не подводит его.

Из темного угла поднялась и вышла на середину комнаты женщина в черном платье. Ее длинные распущенные волосы светились блеклым серебром, красота мертвенно-бледного лица что-то напоминала Тарену, хотя теперь это лицо казалось стертым, туманным, словно приплыло из полузабытого сна. Акрен!

– Наши встречи случаются в недобрый час, Помощник Сторожа Свиньи, но все равно здравствуй. Ты что, до сих пор боишься меня? – усмехнулась она, заметив беспокойный взгляд Тарена. Острые зубы ее обнажились в улыбке. – И Эйлонви, дочь Ангарад, тоже не может забыть моего могущества, хотя сама и разрушила его в замке Ллира. Но разве с тех пор, как живу здесь, не служила я Даллбену так же честно, как любой из вас?

Акрен приблизилась к распростертому телу Гвидиона. Пораженный Тарен увидел подобие жалости в ее глазах.

– Лорд Гвидион будет жить, – сказала она. – Но может так случиться, что жизнь ему будет горше смерти.

Акрен наклонилась и кончиками пальцев легонько тронула лоб неподвижно лежащего воина, потом распрямилась и повернулась к Ффлеуддуру:

– Твои глаза не подвели тебя, арфист. Ты видел то, что тебе хотели показать. Помощника Сторожа Свиньи, верно? А почему бы и нет, если он пожелал появиться именно в этом облике? Лишь он один обладает такой силой. Араун, король Аннуина, Земли Смерти.

Глава вторая

Палочки с письменами

Дрожь прошла по телу Тарена. Женщина в черном холодно взглянула на него.

– Араун не осмеливается пересечь границу Аннуина в своем облике, – продолжала она. – Это означало бы его неминуемую гибель. Но он владеет тайной превращений. Это и маска его, и защита. Арфисту и лорду Гвидиону он показался в облике свинопаса. Но может, если понадобится, явиться и лисой в лесу, и орлом в поднебесье, и даже слепым подземным червем. Да, Свинопас, он с легкостью принимает обличье любого человека, всякого существа. А какую лучшую приманку выдумать для лорда Гвидиона, чем вид друга в беде? Друга, который не раз бился с ним бок о бок, который любим и которому он доверяет? Гвидион проницателен и не попался бы в слишком простую ловушку.

– Значит, нам всем конец! – в отчаянии воскликнул Тарен. – Король Аннуина может в любой миг оказаться среди нас неузнанным, и нет защиты против его коварства!

– Ты не зря опасаясь. Твои друзья увидели, чего стоит колдовское умение Арауна. И все же он уязвим. Он никогда не решится покинуть свою землю. Разве что перед лицом смертельной угрозы. Или если, как сегодня, желание отнять или получить что-то перевешивает опасность. – Акрен понизила голос. – У Арауна много тайн, но эту он оберегает больше всех. Когда он в кого-нибудь превращается, умения и силы у него не больше, чем у того, чью личину он принял. Тогда его можно убить, как любого смертного.

– О Ффлеуддур, если бы я только была с тобой! – в отчаянии воскликнула Эйлонви. – Араун ни за что не обманул бы меня, пусть он даже как две капли воды был похож на Тарена! Уж я-то сумела бы отличить настоящего Помощника Сторожа Свины от поддельного!

– Пустые надежды, дочь Ангарад, – презрительно фыркнула Акрен. – Ничей взгляд не проникнет сквозь маску Арауна, повелителя Земли Смерти. Ничей, кроме моего. Ты сомневаешься? – воскликнула она, видя изумление Эйлонви.

Осунувшееся лицо Акрен хранило остатки былой гордости. Сейчас в ее голосе слышались резкие нотки высокомерия и гнева.

– Задолго до того, как Сыновья Дон пришли в Придайн и остались здесь, задолго до того, как владетели кантрефов присягнули на верность Мату, Верховному королю, и Гвидиону, его военачальнику, я правила здесь безраздельно и носила Железную Корону Аннуина. Араун был моим супругом, служил мне и исполнял

мои повеления. Но он меня предал. – Голос ее понизился до зловещего шепота, а в глазах замерцала ярость. – Он украл мой трон и вышвырнул меня. Однако я знаю все его тайны, ибо именно я обучила его всему! Ваш взор он может затуманить. От меня Араун не укроется ни в каком обличье!

Гвидион вдруг шевельнулся и слабо застонал. Тарен тут же склонился над ним, держа в руках миску с целебными травами. Эйлонви бережно приподняла голову воина.

– Отнесите принца Гвидиона в мою комнату, – приказал Даллбен. Лицо старого волшебника заострилось, и морщины сделались глубже. – Твое искусство вырвало его из лап смерти, – сказал он Тарену. – Теперь моя очередь попытаться вернуть его к жизни.

Колл мощными руками поднял Гвидиона и понес. Акрен последовала за ним.

– Сплю я мало, – сказала она, – и могу последить за раненым. Эту ночь я посижу возле лорда Гвидиона.

– Я побуду с ним, – объявила Эйлонви, шагнув в сторону Колла.

– Не бойся меня, дочь Ангарад, – ответила Акрен. – Нет у меня в душе дурных намерений. – Она нарочито низко поклонилась, насмешливо разведя руками. – Теперь конюшня – мой замок и кухня – мое королевство. Другого я не ищу.

– Пойдемте, – примирительно сказал Даллбен, – вы обе мне поможете. Остальные ждите. Будьте терпеливы и надейтесь.

Окна были темны. Тарену казалось, что огонь очага не греет и лишь отбрасывает серые, холодные тени на лица молчащих друзей.

– Я было подумал пуститься в погоню за Охотниками и не дать им скрыться в Аннуине, – произнес наконец Тарен. – Но если Акрен говорит правду и Араун действительно с ними, да еще и с мечом Гвидиона... Что он задумал, я не знаю, но мне страшно.

– Не могу себе простить, – сжал кулаки Ффлеуддур. – Моя вина, что он ускользнул. Я должен был разгадать его хитрость, обязан был заметить ловушку!

Тарен мотнул головой:

– Не кори себя. Сам Гвидион обманулся.

– А я нет! – вскричал бард. – Ффлам проникателен! Я сразу же почувствовал неладное. В том, как он сидел на коне, как...

Арфа, висевшая на плече барда, вздрогнула, струна натянулась и внезапно оборвалась с таким звуком, что примостившийся у очага Гурги вскочил. Ффлеуддур поперхнулся.

– Ну вот, опять, – расстроено пробормотал он. – Неужели она никогда не прекратит? Стоит чуть-чуть... э... приукрасить, как эта отвратительная струна лопается. Поверь, я не хотел преувеличивать. Сейчас-то мне и впрямь кажется, что я мог заметить... Нет, если по правде, то личину он натянул на себя отменную. Даже меня поймал в ловушку. Боюсь, что и в другой раз могу попасться.

– Удивительно, – вмешался Рун, король Моны, который все это время слушал, разинув рот. – Мне очень хотелось бы научиться изменять свой облик. Невероятно! Вот бы мне уметь так превращаться! Я всегда думал: как интересно, наверное, быть барсуком или муравьем. Мне любопытно, как это они так чудесно строят свои жилища. С тех пор как я стал королем, мне хочется все в моем королевстве исправить, улучшить. Я собираюсь возвести новую дамбу в гавани Моны, даже начал уже. Я хотел начать одновременно с обоих концов и таким образом управиться в два раза быстрее. Не понимаю, что пошло не так. Я ведь сам руководил строительством. Но почему-то половины дамбы не встретились в середине. И я теперь размышляю, как бы сделать это получше. А еще я задумал построить дорогу к пещере Глеу. Такое замечательное место! Уверен, людям Динас Риднант занятно будет на нее взглянуть... Даже удивительно, как это легко! – с гордой улыбкой объявил Рун. – В смысле, задумывать легко. А вот делать почему-то труднее...

Глеу, услышав свое имя, наострил уши. Он так и не покинул места у очага, а всеобщая тревога не заставила его выпустить из рук котелок.

– Когда я был великаном... – завел он.

– Вижу, и этот мелкий прохвост с тобой, – сказал Руну Ффлеуддур, который тут же узнал Глеу, несмотря на его нынешний рост. – В бытность свою великаном он был прегадким. Собирался бросить кого-нибудь из нас в свое гнусное варево, лишь бы выбраться из пещеры. Ффлам не злопамятен, но, по-моему, это немного чересчур.

– Когда я был великаном, – продолжал Глеу, который то ли не слышал барда, то ли не обратил внимания на его слова, – никто не смел унижать меня и за уши тащить на борт паршивой лодчонки! Я не хотел сюда приезжать. А после того, что случилось сегодня, у меня и вовсе нет желания оставаться здесь. – Глеу скривил рот. – Даллбен должен позаботиться, чтобы меня как можно скорее отправили обратно на Мону!

– Конечно, конечно, – примирительно ответил Тарен. – Но сейчас у него есть заботы поважнее. Да и у нас тоже.

Бормоча что-то о грубиянах и невеждах, Глеу скреб пальцами по дну котелка и хмуро цыкал зубом. Никто больше не вымолвил ни слова. Молча они устроились пережидать ночь.

Огонь в очаге догорел, и угли рассыпались пеплом. За стенами хижины разгулялся ночной ветер. Тарен опустил голову на руки. Сегодня он думал встать перед Эйлонви и, забыв про то, что она принцесса, а он никто, смело просить ее руки. Однако несчастье с Гвидионом сделало все мечты и желания Тарена мелкими и неважными. Да, он так и не узнал, любит ли его Эйлонви, но не отваживался сейчас об этом допытываться. Тарен закрыл глаза. Ветер рвал и метал, будто хотел разнести в клочья тихие поля и сады Каер Даллбен.

Тарена разбудила чья-то рука, теребившая его за плечо. Это была Эйлонви.

– Гвидион очнулся, – сказала она, – и хочет говорить с нами.

Гвидион полулежал на кровати. Черты лица его обострились. Он был бледен, несмотря на загар, но больше от гнева, чем от боли. В углах плотно сжатого рта пролегали горькие складки, зеленые глаза потемнели и запали. Принц глядел на них горящим взглядом волка, презирающего мучения, а еще больше – тех, кто их причинил. Акрен молчаливой тенью застыла в углу. Старый волшебник озабоченно склонился над столом, заваленным книгами, подле деревянной скамьи, на которой Тарен в детстве постигал уроки. «Книга Трех», огромный, обтянутый кожей фолиант, наполненный тайными знаниями и запретный для всех, кроме самого Даллбена, лежала раскрытой поверх груды древних томов.

Тарен, а следом за ним Эйлонви, Ффлеуддур и король Рун подошли и по очереди пожали Гвидиону руку. Принц Дома Дон мрачно улыбнулся.

– Обойдемся без долгих приветствий, Помощник Сторожа Свиньи. Даллбен уже рассказал мне о хитрости короля Аннуина. Дирнвин нужно вернуть любой ценой и без промедления. Поведал он и о твоих странствиях, – добавил Гвидион. – Я хотел бы побольше услышать обо всем от тебя самого, но это подождет до более подходящего времени. Я поскачу в Аннуин еще до окончания дня.

Тарен посмотрел на принца Дома Дон с удивлением и некоторой опаской:

– Твои раны еще свежи. Ты не сможешь совершить такое трудное путешествие.

– Но не могу и оставаться здесь в бездействии, – ответил Гвидион. – За то время, что Дирнвин был у меня в руках, я больше о нем узнал. Не многое, но довольно, чтобы понимать: его утрата будет для нас роковой. Дирнвин был выкован в незапамятные времена, история его по большей части утрачена. Долгое время и сам клинок считался легендой. Талиесин, Главный бард и хранитель истории Придайна, смог рассказать немного. Мастер Гофаннон Хромой по воле короля Риддерха Щедрого выковал и закалил Дирнвин, вложив в него величайшую силу для защиты этой земли. На клинке выгравировано заклинание, а на ножнах – письмена, предостережение тому, кто не по праву пожелает овладеть им.

– Я помню эти старые письмена, – сказала Эйлонви, – и никогда их не забуду. Мне стоило большого труда убедить Тарена не трогать то, в чем он ничего не смыслит. «Вытащи Дирнвин лишь тот, у кого королевская кровь...»

– Истинный смысл, скорее, «кто благороден душой», – поправил Гвидион. – Заклинание запрещает трогать меч всем, кроме того, кто желает использовать его разумно и во благо. Пламя Дирнвина уничтожит любого другого, кто попытается его вытащить. Однако письмена на ножнах, говорившие о назначении меча, стерты, и прочесть их уже невозможно.

Гвидион поморщился, преодолевая боль, и продолжал ровным голосом:

– Король Риддерх носил меч всю свою жизнь, а после него – его сыновья. Их царствование было мирным, а страна процветала. Но здесь история Дирнвина прерывается. Последним волшебный меч носил король Ритт, внук Риддерха, владевший Спиральным Замок, пока его не захватила королева Акрен. Там, с Дирнвином в руках, Ритт встретил свою смерть. С тех пор никто меча не видел. Он лежал забытый, погребенный вместе с телом короля в самом глубоком подземелье Спирального Замка. – Гвидион повернулся к Эйлонви. – Где ты, принцесса, и нашла его. Ты отдала его мне по своей воле, но не по своей воле я утратил его. Клинок этот ценнее моей жизни или жизни любого из нас. В руках Арауна он может принести гибель Придайну.

– Ты думаешь, что Араун способен вытащить меч из ножен? – с тревогой спросил Тарен. – Сможет ли он обернуть это великое оружие против нас? Сумеет ли заставить Дирнвин служить злой цели?

– Этого я не знаю, – ответил Гвидион. На лице его была написана тревога. – Быть может, Араун, повелитель Земли Смерти, нашел способ разрушить заклинание. А может, его цель – хранить меч у себя, чтобы им не воспользовались другие. Он отнял бы у меня не только меч, но и жизнь, если бы не Ффлеуддур Ффлам. Теперь я должен найти и вернуть меч, хотя бы для этого пришлось войти в самые глубины Аннуина.

Акрен, молчавшая до сих пор, подняла голову и обратилась к Гвидиону:

– Позволь мне отправиться на поиски Дирнвина вместо тебя. Я знаю все дороги Аннуина, все тайные пути туда. Мне знакомы все его потаенные кладовые. Я ведаю, где они и как охраняются. Если меч спрятан, я найду его. Если сам Араун носит этот меч, я отниму его. Готова поклясться любой, самой страшной клятвой, что уничтожу Арауна. Себе я уже поклялась, клянусь и тебе. Ты заставил меня жить, Гвидион, когда я молила о смерти. Теперь дай мне то, ради

чего я живу. Дай мне утолить жажду мести.

Не сразу ответил Гвидион. Глаза его зелеными огоньками впились в лицо женщины. Наконец он проговорил:

- Месть, Акрен, не тот дар, который я могу тебе дать.

Акрен окаменела. Ее пальцы скрючились, словно когти, и Тарен испугался даже, что она сейчас бросится на Гвидиона. Однако Акрен не сдвинулась с места.

- Ты мне не доверяешь, - проговорила она хрипло, и ее бескровные губы скривились в презрительной усмешке. - Будь по-твоему, принц Дома Дон. Когда-то ты пренебрег мной и отказался разделить со мной власть и королевство. Что ж, презирай меня дальше, но это дорого тебе обойдется.

- Я не презираю тебя, - спокойно ответил Гвидион. - Только прошу остаться под защитой Даллбена. Из всех нас у тебя меньше всего шансов добыть меч. Араун ненавидит тебя так же люто, как ты - его. Не успеешь ты вступить в Аннуин, сам Араун или его слуги тебя убьют. Нет, Акрен, то, что ты предлагаешь, невозможно. - Он мгновение подумал. - Есть другой способ разузнать, где сейчас Дирнвин.

Гвидион обернулся к Даллбену, но тот печально покачал головой.

- Увы, - сказал Даллбен, - «Книга Трех» не скажет того, что нам сейчас больше всего необходимо знать. Я внимательно искал ответ на каждой странице, силясь понять скрытый смысл. Однако он темен даже для меня. Принеси мне палочки с письменами, - обратился он к Коллу. - Только Хен Вен сумеет нам помочь.

Белая свинья из-за жердей загона с любопытством наблюдала за приближающейся молчаливой процессией. Впереди шел Даллбен, неся на худом плече пучок палочек с письменами - отполированные ветки вяза, на которых вырезаны были древние символы. Глеу, которого интересовала только еда, остался на кухне, и Гурги, хорошо помнивший злобные выходки бывшего великана, решил за ним присмотреть. Осталась в хижине и Акрен. Она опустила на лицо капюшон и застыла в темном углу.

Обычно свинья-прорицательница при виде Тарена с радостным визгом бросалась ему навстречу, чтобы он почесал ее под подбородком. Однако сейчас она забилась в дальний угол загона, маленькие глазки были широко раскрыты, а толстые щеки колыхались от сотрясавшей ее дрожи. Когда Даллбен вошел в загон и воткнул в землю палочки с письменами, Хен Вен запыхтела и вжалась в корявые жерди ограды.

Даллбен, что-то невнятно бормоча, склонился над прутиками. Остальные замерли в ожидании по другую сторону ограды. Хен Вен жалобно хрюкала и не двигалась с места.

- Чего она боится? - прошептала Эйлонви.

Тарен не ответил. Он не спускал глаз с волшебника в колышущемся на ветру одеянии, с подрагивающих тонких палочек, с неподвижной Хен Вен. Под низким, пасмурным небом они словно застыли в собственном мире, далеко от примолкших зрителей. Тарен впервые видел, как волшебник вопрошает свинью-прорицательницу. Каковы тайные силы Даллбена, он мог лишь догадываться, но свинью знал и видел, что она от страха не может двинуться с места. Казалось, прошла уже целая вечность. Даже беспечный Рун почувствовал что-то неладное. Привычно радостное лицо короля Моны помрачнело.

Даллбен с беспокойством поглядел на Гвидиона:

- Никогда прежде Хен Вен не отказывалась отвечать, если ей показывали палочки с письменами.

Он вновь пробормотал слова, которых Тарен опять не разобрал. Свинья-прорицательница задрожала, зажмурилась и спрятала голову между короткими толстыми ножками.

- Может, взять несколько нот на арфе? - предложил Ффлеуддур. - У меня был великолепный опыт...

Волшебник знаком велел барду замолчать и снова заговорил, мягко, но повелительно. Хен Вен сжалась и жалобно попискивала, будто от боли.

– Страх затмевает силу ее пророчеств, – мрачно сказал Даллбен. – Даже слова заклинаний не достигают ее ушей. Я ничего не могу сделать.

Отчаяние отразилось на лицах зрителей. Гвидион нахмурился, в глазах его сквозило беспокойство.

– Неудача ждет и нас, если она ничего не скажет, – глухо проговорил он.

Без лишних слов Тарен перемахнул через изгородь и решительно подошел к дрожащей свинье. Он упал перед ней на колени, почесал щетинистый подбородок, нежно погладил розовую шею.

– Не бойся, Хен. Никто тебя не обидит, – ласково прошептал он.

Удивленный Даллбен шагнул было вперед, но остановился. Услышав голос Тарена, свинья осторожно открыла один глаз. Ее пяточок шевельнулся, она приподняла голову и слабо хрюкнула.

– Хен, послушай меня, – умолял Тарен, – я не могу тебе приказывать. Но нам нужна твоя помощь – всем нам, всем, кто любит тебя.

Тарен говорил и говорил, и постепенно свинья успокоилась, дрожь ее унялась. Хоть она и не делала попыток встать, но уже доверчиво подставляла шею, громко сопела и даже нежно похрюкивала. Она щурилась, моргала, и пяточок ее подрагивал и морщился, изображая подобие улыбки.

– Скажи нам, Хен, – просил Тарен, – пожалуйста, скажи нам что можешь.

Хен Вен беспокойно задвигалась. Медленно и тяжело поднялась на ноги. Наконец белая свинья фыркнула и поглядела на прутья вяза. Мелкими шажками на коротеньких ножках она приблизилась к ним.

Волшебник кивнул Тарену.

– Молодец, – пробормотал он. – Сегодня сила Помощника Сторожа Свиньи больше моей.

Пока Тарен смотрел, не смея шелохнуться, чтобы не спугнуть свинью, она остановилась у первого прутика. Все еще колеблясь, Хен Вен ткнула пяточком в один из вырезанных символов, потом в другой. Даллбен быстро записывал на обрывке пергамента знаки, на которые указывала свинья-прорицательница. Хен Вен еще несколько мгновений продолжала тыкаться пяточком в первый прутик, потом внезапно замерла, испуганно хрюкнула и отпрянула назад.

Лицо Даллбена снова помрачнело.

- Неужели это все? - в тревоге пробормотал он. - Нет, нет... Мы должны узнать больше.

Он покосился на Тарена.

- Пожалуйста, Хен, - зашептал Тарен, снова приближаясь к свинье, которую опять сотрясала дрожь. - Помоги нам.

Свинья была так напугана, что казалось, уже никакие слова не смогут сдвинуть ее с места. Она скосила глаза на палочки, затрясла головой и жалобно захрюкала. И все же, побуждаемая ласками и просьбами Тарена, свинья осторожно двинулась ко второму прутику. Быстро, будто желая поскорей отделаться от неприятного занятия, она заскользила пяточком по цепочке символов.

Рука волшебника, выводившая значки на пергаменте, дрожала.

- Теперь третий, - с волнением проговорил он.

Хен Вен на негнущихся ногах попятилась и плюхнулась на землю. Все успокоительные слова Тарена не могли больше сдвинуть ее с места. Наконец она, словно через силу, поднялась и затрусила к последнему, третьему прутику вяза.

Однако не успела она коснуться пяточком первого символа, как прутики задрожали и закачались, будто живые. Они извивались, словно хотели вырваться из земли. Вдруг с ужасающим звуком, подобным удару грома, они раскололись и рассыпались по земле мелкими щепочками.

Хен Вен с визгом забилась в самый дальний угол загона. Тарен поспешил к ней. Даллбен наклонился, собрал щепочки. Горестно и безнадежно разглядывал он жалкие обломки.

– Все. Отныне они бесполезны, – печально сказал Даллбен. – Предсказание Хен Вен осталось незавершенным, будущее темно для меня. Впрочем, я уверен, что конец пророчества сулил бы не меньше опасностей, чем начало. Она, должно быть, почувствовала это.

Волшебник повернулся и медленно пошел из загона. Эйлонви присоединилась к Тарену, который пытался успокоить перепуганную свинью. Хен Вен тяжело дышала и дрожала всем телом, пряча голову меж передних ножек.

– Понятно, почему она не хотела пророчествовать! – воскликнула Эйлонви. – И все же, – добавила она, обращаясь к Тарену, – если бы не ты, Хен вообще ничего бы не сказала.

Даллбен с пергаментом в руке подошел к Гвидиону. Колл, Ффлеуддур и король Рун в тревоге сгрудились вокруг них. Убедившись, что Хен Вен постепенно успокаивается и теперь хочет, чтобы ее оставили в покое, Тарен и Эйлонви заспешили к друзьям.

– Помогите! О, помогите!

Бешено размахивая руками и вопя во всю мочь, к ним неся Гурги. Он влетел в самую середину стоящих и указал в сторону конюшен.

– Гурги ничего не мог сделать! – захлебывался он. – Он пытался, о да, он старался! Но на его слабую, бедную голову посыпались колотушки и молотушки! И она убежала! – вопил Гурги. – Скоком и бегом верхом на лошади! Злая королева убежала!

Глава третья

Предсказание

Все поспешили в конюшню. Как и говорил Гурги, одна из лошадей короля Руна исчезла. Акрен не было и следа.

– Позволь мне оседлать Мелинласа, – попросил Гвидиона Тарен. – Я постараюсь ее нагнать.

– Она отправилась напрямиком в Аннуин! – взорвался Ффлеуддур. – Я никогда не доверял этой вероломной женщине. Клянусь Великим Белином! Неизвестно, какие козни она затевает! Уж она-то своего не упустит, можете быть уверены.

– Скорее всего, Акрен стремится навстречу своей смерти, – глухо проговорил Гвидион, глядя на холмы и облетевшие деревья. – За пределами Каер Даллбен ее всюду подстерегает опасность. Я бы поспешил ей на помощь, но не могу терять время на поиски. – Он повернулся к Даллбену. – Я должен знать пророчество Хен Вен. У меня не будет иных проводников.

Волшебник кивнул и повел всех в хижину. Старец все еще держал в руках пергамент и обломки палочек. Теперь он бросил их на стол и некоторое время уныло разглядывал, потом заговорил:

– Хен Вен поведала нам что смогла. И боюсь, больше мы ничего у нее не выпытаем. Я заново изучил символы, на которые она указала, в тщетной надежде, что первый раз превратно их истолковал. – Он сидел, потупив глаза, и говорил с трудом, будто каждое слово вырывалось с кровью из сердца. – Я спросил ее, каким образом можно возратить Дирнвин. Послушайте ее ответ:

Лучше камень безмолвный спроси и немую скалу.

– Таково предсказание Хен Вен, как я прочел его по первой палочке, – вздохнул Даллбен. – Отказ ли это вообще что-то сказать, само ли предсказание или предупреждение больше ни о чем не спрашивать, не ведаю. Однако символы второй палочки с письменами говорят о судьбе самого Дирнвина.

Даллбен начал читать, и слова старого волшебника разили душу Тарена, как холодная сталь.

Дирнвина пламя угаснет,

Исчезнет сила его.

Ночь обратится полуднем

И реки морозным огнем запылают,

Прежде чем будет он вновь обретен.

Старый волшебник опустил голову и надолго замолчал.

– Третья палочка, – промолвил он наконец, – разрушилась до того, как Хен Вен успела завершить предсказание. Но едва ли мы бы услышали что-нибудь более обнадеживающее.

– Предсказания звучат насмешкой, – сказал Тарен. – Хен права: мы с таким же успехом могли бы просить помощи у камней.

– И они ответили бы вразумительней! – воскликнула Эйлонви. – Хен могла бы прямо объявить, что мы никогда не найдем Дирнвин. Ночь не может стать полуднем! И этим все сказано!

– Во всех своих странствиях, – добавил Ффлеуддур, – я не видел даже горящего ручейка, а тем более реки, пылающей морозным огнем! Пророчество вдвойне несбыточное.

– И все же, – с наивным жаром вмешался король Рун, – было бы изумительно увидеть ночь, превратившуюся в день, и пылающую холодным пламенем реку! Хотелось бы, чтобы это все случилось на моих глазах!

– Боюсь, тебе этого не увидеть, король Моны, – печально молвил Даллбен.

Гвидион, который в раздумье сидел у стола и крутил в руках обломки палочек, поднялся и заговорил:

– Пророчества Хен Вен наводят уныние. Я ожидал совсем не того. Но когда предсказания не помогают, люди сами должны искать выход. – Он сжал руку в кулак, круша обломки палочек. – До тех пор, пока я живу и дышу, я буду искать Дирнвин. Пророчество не изменило мои планы. Оно лишь вынуждает меня поторопиться.

– Тогда позволь нам идти с тобой, – сказал Тарен, поднимаясь и глядя прямо в глаза Гвидиону. – Силы наши пригодятся тебе, пока не вернутся твои собственные.

– Да! – Ффлеуддур вскочил. – И не важно, горят реки или нет! Спрашивать ответа у немых камней? Как бы не так! Я спрошу самого Арауна! От Ффлама он не утаит ни одного секрета!

Гвидион покачал головой:

– В этом деле чем больше людей, тем больше риска. Лучше ехать одному. Если чья-то жизнь и ставится на карту против Арауна, короля Земли Смерти, то это должна быть моя жизнь.

Тарен молча поклонился.

– Коли ты так решил, не смею перечить, – промолвил он. – Но может быть, Карр сначала полетит в Аннуин? Отправь ее вперед. Она быстро обернется и что-нибудь разузнает.

Гвидион внимательно поглядел на Тарена:

– В своих странствиях ты набрался не только мужества, но и мудрости, Помощник Сторожа Свины. Твой совет хорош. Карр может послужить мне лучше и вернее, чем все ваши мечи. Но я не стану ждать ее здесь. Поступив так, я потерял бы слишком много времени. Пусть разузнает, что происходит в Аннуине,

а затем разыщет меня в замке короля Смойта в кантрефе Кадиффор. Земли Смойта лежат на пути в Аннуин, и к возвращению Карр я проделаю уже полдороги.

– Мы могли бы поехать с тобой хотя бы до замка короля Смойта, – осторожно предложил Тарен, – и охранять тебя до тех пор. Между Каер Даллбен и кантрефом Кадиффор наверняка рыщут Охотники Арауна.

– Негодяи! – вскричал бард. – Вероломные убийцы! Они отведают моего меча! Пусть только нападут на нас! Я очень надеюсь, что так они и сделают! – Струна на арфе лопнула с таким звоном, что весь чуткий инструмент загудел и задрожал. – Э-э-э... ну... фигурально выражаясь, – смутился Ффлеуддур. – На самом деле я надеюсь, что мы вообще на них не наткнемся. Они могут замедлить наш путь.

– И никто не подумал обо мне! – произнес Глеу, выходя из кухни и раздраженно озираясь.

– Мелкий прохвост! – пробормотал Ффлеуддур. – Дирнвин исчез, мы не знаем, будем ли живы сегодня вечером, а он волнуется о своих неудобствах. Он и в самом деле маленький человечек и всегда им был.

– Поскольку обо мне не упомянули, – сказала Эйлонви, – я полагаю, что меня не приглашают ехать с вами. Очень хорошо. Я остаюсь дома.

– И ты тоже стала мудрее, принцесса, – ответил Даллбен. – Вижу, дни, проведенные на Моне, не прошли для тебя втуне.

– Конечно, – продолжала Эйлонви, – после того как вы уедете, мне может прийти на ум, что сегодня чудесный день для прогулки верхом. Самое время пособирать цветочки, которые трудно найти, тем более что сейчас почти зима. И я могу сбиться с дороги, потеряться и ненароком наткнуться на вас. К тому времени стемнеет, и мне будет опасно возвращаться домой. И все это случайно и вовсе не по моей вине.

Осунувшееся лицо Гвидиона осветилось улыбкой.

– Будь по-твоему, принцесса. Я принимаю то, что не могу предотвратить. Едут со мной все, кто пожелает, но только до крепости Смойта в Каер Кадарн.

– Э, принцесса, – вздохнул Колл, качая головой, – не стану я перечить лорду Гвидиону. Но едва ли молодой леди пристало так настойчиво добиваться своего.

– Конечно не пристало, – согласилась Эйлонви. – И королева Телерия учила: леди никогда не настаивает на своем. Все улаживается само собой, без ее участия, но именно так, как она хочет. Я думала, что никогда этому не выучусь, а оказалось, ничего сложного тут нет, как приноровишься.

Тарен без промедления снял Карр с насеста около очага и понес во дворик перед домом. На сей раз ворона не щелкала клювом, не вертелась. Вместо обычных озорных проделок и поддразниваний она смирно нахохлилась на запястье Тарена и, насторожив внимательные черные глазки, слушала его подробные наставления.

Наконец Тарен поднял руку. Карр взметнулась в воздух и прощально захлопала над его головой блестящими крыльями.

– Аннуин! – прокаркала ворона. – Дир-ррнвин!

Она взмыла вверх и через несколько мгновений была уже над крышами Каер Даллбен. Ветер подхватил ее, как легкий осенний листок. Ворона залихватски взмахнула крыльями и устремилась на северо-запад. Тарен, напрягая глаза, следил за ее полетом, пока Карр не скрылась в низких облаках. Беспокойство овладело Тареном. Он знал, что Карр угрожает множество опасностей: стрелы Охотников, когти и клювы гвитантов – яростных крылатых вестников Арауна. Сам он не раз сталкивался с этими жестокими и сильными птицами и помнил, что даже птенцы их могут нанести тяжелые раны.

Давно, в отрочестве, Тарен спас жизнь птенцу гвитанта и прекрасно запомнил его острые когти. Несмотря на храброе сердечко Карр и на ее изворотливый ум, Тарен страшился за ее жизнь, а еще больше его беспокоило предстоящее Гвидиону смертельно опасное путешествие. И предчувствие говорило, что совсем не радостные известия принесет им Карр на своих распростертых крыльях.

Решили, что король Рун, как только они все достигнут берегов Великой Аврен, посадит ворчливого Глеу на корабль, стоящий там на якоре, чтобы бывший великан дожидался его на борту. Сам же король Рун собирался ехать вместе с Гвидионом в Каер Кадарн. Глеу ничто не устраивало, он не желал ждать на качающемся корабле, не соглашался и остаться на берегу и спать на холодных камнях. Но жалобы и протесты бывшего великана не заставили короля Моны изменить свои планы.

Пока Гвидион держал последний спешный совет с Даллбенем, остальные начали выводить лошадей из конюшни. Умная Мелингар, золотогривая белая лошадь Гвидиона, спокойно ждала своего хозяина. Конь Тарена Мелинлас, наоборот, возбужденно фыркал и нетерпеливо рыл землю копытом.

Эйлонви уже сидела на своей любимой гнедой лошадке Ллуагор. В складках плаща принцессы была запрятана самая дорогая и любимая ее вещица – золотой шар. Стоило только взять его в руки, как он начинал ярко светиться изнутри.

– Неудобный золотой обруч я оставляю здесь. Он на то лишь и годится, чтобы поддерживать волосы, зато натирает лоб чуть ли не до волдырей. Но скорее я пойду на руках, чем без своей игрушки. И с ней у нас будет свет, если понадобится. Это гораздо практичнее, чем золотой обруч на голове.

В седельную сумку она сунула и вышивку, сделанную для Тарена, сказав, что закончит ее по пути.

– Может, заодно изменю и цвет глаз Хен Вен.

Ффлеуддур служила скакуном огромная золотисто-коричневая кошка Ллиан, которая ростом не уступала доброму коню. При виде барда она громко замыкала и принялась тереться о него так, что едва не сбила с ног.

– Спокойнее, старушка! – воскликнул бард, когда Ллиан ткнулась лобастой головой ему в шею. – Я знаю, что ты хочешь послушать мою игру на арфе. Я сыграю, но позже. Обещаю тебе.

Глеу немедленно узнал Ллиан.

– Это нечестно, – засопел он. – По праву она принадлежит мне.

– Да, – ответил Ффлеуддур, – если вспомнить, что именно ты пичкал ее теми отвратительными зельями, из-за которых она выросла. Хочешь поехать на ней? Что ж, попробуй. Но предупреждаю: память Ллиан не так коротка, как твои ножки, бывший громадина.

Ллиан и в самом деле при виде Глеу принялась бить хвостом о землю. Она нависла над толстеньким коротышкой; желтые глаза ее сверкали, усы подрагивали, уши, увенчанные кисточками, прижались к голове. Из горла ее вырвался звук, вовсе непохожий на приветственное мяуканье.

Ффлеуддур быстро сдернул с плеча арфу и стал наигрывать нежную мелодию. Ллиан отвела глаза от Глеу, рот ее растянулся в довольной улыбке, и она, блаженно сощурившись, с любовью уставилась на барда.

Бледное лицо Глеу стало совсем белым, и он бочком двинулся прочь от кошки.

– Когда я был великаном, – бормотал Глеу, – все было гораздо лучше и безопаснее.

Король Рун оседлал свою серую в яблоках лошадь. Колл тоже решил присоединиться к Гвидиону и собрался ехать на своей саврасой кобыле Лламрей, дочери Мелинласа и Ллуагор. Глеу пришлось взобраться позади Гурги на его лохматого пони, что не доставило удовольствия никому из них троих. Тарен тем временем помогал Коллу собирать в конюшне, кузнице и под навесом для инструментов необходимое им оружие.

– Маловато. Едва ли хватит на всех, – проговорил Колл. – Копья неплохо служили подпорками для бобов, – добавил старый воин. – Я уж надеялся никогда не использовать их для иных целей. Увы, единственный меч, который я могу дать Гвидиону, заржавел оттого, что я подпирал им яблоню. Что до шлемов, то, кроме моей кожаной шапки, ничего и не сыщешь. Да и в той воробьи устроили гнездо. К тому же моя собственная старая тыква, – он похлопал себя по лысой голове и лукаво подмигнул Тарену, – покрепче любого шлема. До Каер Кадарн и обратно я ее как-нибудь донесу.

Колл, видя беспокойство Тарена, старался рассеять его мрачные мысли.

– А ты, мой мальчик, – весело продолжал он, – что-то повесил нос и выглядишь как побитая морозом репа. Помню, когда-то Помощник Сторожа Свиньи весь дрожал от радости, стоило только Гвидиону поманить его за собой.

Тарен улыбнулся:

– Я бы отправился и в Аннуин, если бы Гвидион позволил. Да, ты прав, старый друг. Тому мальчишке, каким я когда-то был, это путешествие казалось бы просто смелым приключением. Теперь-то я знаю: жизнь человека стоит больше, чем слава, и даже капля пролитой крови – слишком большая плата.

Тарен посерьезнел.

– Мое сердце беспокойно, – сказал он. – В давние времена, освобождая украденную Хен Вен, ты уже побывал в Аннуине. Скажи, может ли Гвидион в одиночку войти в королевство Арауна и вернуть Дирнвин?

– Если кто и может, то лишь он, – сказал Колл, взваливая на плечи копья. Он повернулся и вышел из-под навеса. Тарен понял, что старый воин так по-настоящему и не ответил на его вопрос.

Каер Даллбен остался далеко позади. День уже клонился к вечеру, когда путники разбила лагерь в самой глубине леса.

Эйлонви с блаженным вздохом опустилась на жесткую, чуть промерзшую землю.

– Как давно я не спала на каменной лесной подстилке! – улыбнулась она. – Насколько это приятнее перин на гусином пуху!

Гвидион позволил развести небольшой костер. Пока Колл привязывал лошадей, Гурги открыл свою сумку с едой и стал быстро извлекать оттуда все подряд. Все члены отряда, промерзшие и одеревеневшие от долгого путешествия, были сегодня на редкость молчаливы и хмуры. Только король Рун не потерял своего обычного хорошего расположения духа. Когда путники подсели поближе к костру и замерли, глядя на бледные языки пламени, король Рун нашел острую веточку и стал деловито царапать ею по земле, рисуя запутанную паутину

линий.

– Дамба, дамба... – бормотал он. – Я, кажется, понял, почему ничего не получилось. Да, именно так. Все надо по-другому...

Тарен видел, как в отблеске костра горят глаза Руна, как на лице его появилась знакомая мальчишеская улыбка. Однако Рун был уже не тем суетливым и безалаберным князьком, которого Тарен знал на острове Мона. Сейчас король Рун был так же поглощен своим делом, как и Тарен когда-то в кузнице, за ткацким станком или перед гончарным кругом. И если Рун повзрослел, правя королевством, то Тарен возмужал в тяжелом труде среди мастеров народа Свободных коммотов. Сейчас он разглядывал Руна с новой приязнью. Король Моны продолжал говорить, и Тарен вгляделся в его чертеж, потом улыбнулся. Одно в короле Моны не изменилось: его замыслы выходили далеко за пределы его умения.

– Боюсь, твоя плотина рухнет, если ты построишь таким образом, – с добродушным смехом сказал Тарен. – Посмотри сюда. – Он провел пальцем по извилистой линии. – Самые тяжелые камни надо класть поглубже. А здесь...

– Поразительно! – воскликнул король Рун, щелкая пальцами. – Ты должен приехать на Мону и помочь мне в строительстве! – Он принялся чертить новые линии с таким увлечением, что чуть не свалился в костер.

– О великий и добрый хозяин! – восторженно вскричал Гурги, внимательно следивший за разговором, в котором ни слова не понимал. – О мудрые закавыки и закорюки! Гурги очень хочет побольше уменя и умненья!

Гвидион строго глянул в их сторону.

– Разводить костер и без того было рискованно, так что не стоит еще и шуметь. Могу лишь надеяться, что Охотники не рыщут где-нибудь поблизости. Нас так мало, что мы не справимся даже с маленьким их отрядом. Это не обычные воины, – пояснил он, поймав недоуменный взгляд Руна, – но воплощение зла. Убей одного, и сила его перейдет к остальным.

Тарен согласно кивнул:

– Они опасны почти так же, как Дети Котла, эти безмолвные и бессмертные стражи Аннуина. Может быть, даже опасней. Детей Котла нельзя убить, но их сила убывает по мере того, как они удаляются от королевства Арауна.

Рун недоуменно моргал, а Гурги притих и стал испуганно вглядываться в темноту. Воспоминания о безжалостных Детях Котла вернули мысли Тарена к пророчеству Хен Вен.

– «Дирнвина пламя угаснет...» – проговорил Тарен. – Все же как Араун сумеет этого добиться? Несмотря на всю его колдовскую силу, не поверю я, что он сможет хотя бы вытащить клинок из ножен.

– Смысл пророчества всегда больше, чем простое значение слов, – сказал Гвидион. – Попытайся проникнуть в глубину, скрытую за словом. Для нас пламя Дирнвина все равно что погашено, ибо он в руках Арауна, а не в моей руке. А значит, и пользы он нам не принесет, хотя и вреда тоже, если будет погребен в сокровищнице короля Арауна.

– Сокровища? – встрепенулся Глеу и даже на миг перестал жевать.

– Владения Арауна – не только твердыня зла, но и кладезь сокровищ, похищенных у людей, – сказал Гвидион. – Его тайники переполнены прекрасными и полезными вещами, которые Араун украл в Придаине. Эти сокровища вовсе не служат ему. Его цель – отнять их у людей, истощить нашу силу и жизнь, отбирая то, что могло бы принести богатые плоды. – Гвидион помолчал. – Разве это не смерть, только под другой личиной?

– Мне рассказывали, – проговорил Тарен, – будто подземные сокровищницы Аннуина набиты всем, о чем люди мечтают. Там есть плуги, которые могут пахать сами, серпы, которые жнут без помощи человеческих рук, волшебные инструменты и многое другое. – Тарен сдвинул брови. – Араун похитил секреты мастерства у кузнецов и гончаров, знания – у пастухов и землепашцев. Эти знания и умения тоже заперты в его тайниках.

Глеу втянул воздух. Недоеденный кусок мяса застыл в его толстеньких, испачканных жиром пальцах. Мгновение он молчал, затем прочистил горло и начал:

– Я готов простить вам унижения и насмешки. Уверен, вы не позволили бы себе этого, будь я по-прежнему великаном. Ну да ладно! Я прощаю вас всех. И в знак моей доброй воли я отправлюсь с вами.

Гвидион прищурился и внимательно его оглядел.

– Возможно, мы тебя возьмем, – произнес он тихо по некотором размышлении.

– Понятно! – фыркнул Ффлеуддур. – Этот мелкий прохвост надеется чем-нибудь поживиться. Я видел, как задрожал его нос! Вот уж не думал, что наступит час, когда придется брать его в сотоварищи! И все же безопаснее иметь его при себе, чем у себя за спиной.

Глеу кисло улыбнулся.

– И тебя я тоже прощаю, – сказал он.

Глава четвертая

Замок короля Смойта

На рассвете путники стали собираться в дорогу. Король Рун намеревался на время отделиться от них и поехать на запад в гавань Аврен. Там он сообщит капитану корабля об изменении своих планов и уж потом нагонит остальных. Ффлеуддур вызвался сопровождать его, ибо знал броды через реку и кратчайшие тропинки в лесу.

Эйлонви решила отправиться с ними.

– Я забыла половину своих ниток на корабле Руна, а без них не могу закончить вышивку. Никто из вас их не найдет, потому что я и сама не помню, где они могут быть. К тому же там остался мой теплый плащ и другие нужные вещицы... из головы уже вылетело, какие именно, но на месте обязательно вспомню.

Колл усмехнулся и потер лысину.

- Принцесса, - заметил он, - становится леди во всем, даже в мелочах.

- Поскольку я теперь не еду на Мону, - сказал Глеу, чье ночное решение осталось неколебимым, - не вижу причин делать ненужный крюк в пути. Я поеду с лордом Гвидионом.

- Вот тут ты, малорослый великан, ошибся, - ответил бард. - Садись-ка позади короля Моны, если он согласен вытерпеть твоё общество, да поскорее. Не думай, что я выпущу тебя из виду даже на мгновение. Куда я, туда и ты. И наоборот.

Тарен отвел Ффлеуддура в сторону.

- Послушай, - сказал он, - Глеу нас не обременит. Я сам за ним поспею.

Бард встряхнул взъерошенными желтыми лохмами:

- Э, нет, мой друг! Мне будет спокойнее, если я стану наблюдать за ним собственными глазами. И все время. Нет уж, мелкий прохвост - моя забота! Поезжай вперед, а мы присоединимся к вам на другом берегу Аврен еще до полудня.

Ффлеуддур широко улыбнулся.

- Буду рад вновь увидеть Смойта, - сказал он. - Этот рыжебородый старый медведь дорог моему сердцу. Мы отлично попируем в Каер Кадарн, потому что Смойт ест так же неистово, как и сражается.

Гвидион уже оседлал Мелингар и поторапливал их. Ффлеуддур дружески хлопнул Тарена по плечу и побежал садиться на Лиан, которая весело прыгала и крутилась в лучах яркого утреннего солнца, гоняясь за собственным хвостом.

Король Рун, Ффлеуддур, Эйлонви и Глеу вскоре скрылись из виду. Тарен ехал между Гвидионом и Коллом, а Гурги трусил позади.

Остановились они, только переправившись на противоположный берег Великой Аврен. Миновал полдень, но остальных путников видно не было. Тарен забеспокоился, но убеждал себя, что ничего не могло с ними случиться.

– Наверное, Рун засмотрелся на барсучью нору или муравейник, – пошутил он. – Надеюсь, ничего другого не произошло.

– Не волнуйся, – откликнулся Колл, – Ффлеуддур не очень-то даст ему отвлекаться. Они будут здесь с минуты на минуту.

Тарен дунул в свой рог, рассчитывая, что громкий звук достигнет ушей барда, если тот ненароком перепутал такие знакомые ему тропинки. Но никто не появился. Гвидион, подождав столько, сколько мог себе позволить, решил продолжать путь в Каер Кадарн. И весь остаток дня они рысью ехали вперед.

Тарен часто оборачивался, каждый раз надеясь увидеть скачущих вдогонку Руна и его спутников или услышать знакомое «Привет, привет!» короля Моны. Но день угасал, и Тарен понял, что Рун, который всегда ездил небыстро, уже безнадежно от них отстал. К тому же он был уверен, что Ффлеуддур не станет продолжать путь с наступлением темноты.

– Они устроили привал где-то позади, – заверил его Колл. – Если даже они и заблудились немного, Ффлеуддур разыщет дорогу к замку Смойта. Там мы и встретимся. А в крайнем случае Смойт пошлет на розыски отряд. – Он крепкой рукой потрепал Тарена по плечу. – Не волнуйся раньше времени. Или, – добавил он, подмигнув, – ты немного скучаешь без общества принцессы Эйлонви?

– Ей не следовало ехать с нами, – сердито откликнулся Тарен.

– Пожалуй, – усмехнулся Колл, – но ты почему-то ни словом ей не возразил.

Тарен тоже усмехнулся в ответ:

– Спорить с ней? Я давным-давно понял, что это бесполезно.

Утром следующего дня перед ними открылся Каер Кадарн. На высокой каменной башне развевался темно-красный стяг короля Смойта с эмблемой – черным медведем. Крепость возвышалась посреди просторного поля, и зубцы стен хмурились, словно брови могучего короля над его бородатым лицом, испещренным, как и эти стены, шрамами и вмятинами – следами многих битв. Колл, ехавший впереди на неутомимой Лламрей, прокричал страже, чтобы открыли ворота перед лордом Гвидионом, принцем Дома Дон. Массивные ворота почти тут же распахнулись, и путники галопом въехали во внутренний двор, где вооруженные люди приняли их коней. К Большому залу Смойта они двинулись в сопровождении отряда воинов.

Гвидион быстро шагал по коридору. Окруженные стражей, Тарен, Колл и Гурги поспешали за ним.

– Смойт, наверное, сейчас ест, – сказал Тарен. – Его завтрак тянется до полудня. – Он засмеялся. – Смойт утверждает, что завтрак только разжигает его аппетит перед обедом. Гвидион не вытянет из короля ни единого слова, пока тот не накормит нас до отвала.

– Да, да! – сглотнул слюну Гурги. – Гурги мечтает о вкусной чавке и хрумтявке!

– И это у тебя будет, старина, – успокоил его Тарен. – Будь уверен, голодным не останешься.

Они вошли в Большой зал. У дальней стены стоял вырезанный из цельного дуба трон Смойта в виде медведя со вскинутыми вверх лапами.

Однако сидел на троне вовсе не Смойт.

– Мэгг! – выдохнул Тарен.

В то же мгновение стража напала на них. Меч Тарена сорвали у него с пояса. С боевым кличем Гвидион ринулся в гущу воинов, но их было слишком много, и его быстро скрутили и бросили на колени. Колла тоже прижали к полу и приставили к спине копьё. Гурги уворачивался, вопил от ярости и страха. Стражник сцапал его за лохматый загривок и бил до тех пор, пока у несчастного существа не подогнулись ноги.

Серое тощее лицо Мэгга скалилось в улыбке, словно череп мертвеца. Небрежным взмахом тощей руки он приказал стражникам отойти.

– Не ждал встречи, лорд Гвидион, – проскрипел Мэгг. – Я завладел крепостью Каер Кадарн. Но заполучить в придачу и тебя? На такой подарок я не надеялся!

Зеленые глаза Гвидиона вспыхнули.

– Как ты посмел вторгнуться в кантреф короля Смойта? Беги отсюда, пока он не вернулся. Уноси ноги. Он тебя не погладит по головке.

– Ты присоединишься к королю Смойту. Хотя мне претит называть этого мужлана королем, – усмехнулся Мэгг.

Он с удовольствием разгладил складки на своем расшитом плаще. Одевание Мэгга было роскошнее даже тех щегольских одежд, которые он носил на Моне в бытность Главным Управителем королевского двора.

– Мой повелитель выше, чем король Моны, могущественнее, чем королева Акрен, – с мерзкой улыбкой объявил Мэгг. – Сильнее, чем принц Дома Дон!

Мэгг коснулся железной цепи у себя на груди и нежно погладил тяжелый медальон – знак своей власти. В ужасе Тарен увидел тот же символ, что был выжжен на лбах Охотников Аннуина.

– Я служу, – торжественно произнес Мэгг, – великому сеньору, королю Аннуина Арауну.

Ни один мускул на лице Гвидиона не дрогнул. Он так же неотрывно смотрел на Мэгга.

– Ты нашел своего настоящего хозяина, Мэгг, – коротко бросил он.

– Когда мы в последний раз расстались, лорд Гвидион, – прошипел сквозь зубы Мэгг, – я думал, что ты умер. Позже я узнал, что ты жив. – Главный Управитель провел языком по губам. – Редко кому удается утолить чувство мести дважды. И я терпеливо ждал того дня, когда мы встретимся вновь. – Мэгг от возбуждения

даже привстал с трона. – Я был терпелив, да, – прошипел он. – Долго я скитался после того, как покинул Мону. Многим людям я смиренно служил, ожидая благоприятного случая. Один даже хотел бросить меня в темницу. Меня, Мэгга, который однажды чуть не стал королем! – Он уже почти визжал. Лицо его побелело, а глаза вылезли из орбит.

Но через мгновение-другое он усилием воли унял дрожь в руках и вновь опустился на трон. Теперь он цедил слова осторожно, будто пробуя сначала каждое на вкус.

– Наконец я отправился в Аннуин, в землю, лежащую за Вратами Тьмы. Король Араун не знал меня тогда так, как узнал теперь. – Мэгг удовлетворенно кивнул. – И от меня он тоже узнал очень многое. – Он оглядел молчащих пленников и выпалил: – Король Араун узнал историю Дирнвина! Ему было известно, что меч утерян, а потом найден и что носит его теперь лорд Гвидион. Но именно я, Мэгг, подсказал Арауну, как лучше его добыть.

– Даже в своем предательстве ты жалок и ничтожен, – с презрением сказал Тарен. – Рано или поздно Араун и без тебя придумал бы этот коварный план.

– Возможно, – хитро ухмыльнулся Мэгг, – возможно, он и впрямь узнал от меня меньше, чем я от него. Потому что я вскоре выяснил, что его власть не так уж прочна. Лучший из его воинов, Рогатый Король, давно потерпел поражение. Даже Черный Крохан, котел, который давал ему воинов, бессмертных Детей Котла, разбился вдребезги. У короля Арауна много тайных вассалов среди владельцев кантрефов. Он обещал им богатства и земли, и они, в свою очередь, поклялись служить ему. Но его поражения обеспокоили их. Это я подсказал ему, как добиться от них беспрекословного повиновения. Мой план вложил ему в руки Дирнвин!

Мэгг все больше распалялся.

– По всем кантрефам разнеслась весть, что Араун, повелитель Земли Смерти, владеет самым могущественным оружием во всем Придаине! Он ведает тайны меча гораздо лучше, чем ты, лорд Гвидион, и знает, что непобедим. Его преданные вассалы ликуют, ибо скоро они ощутят вкус победы. Новые военачальники встанут под его знамена, и новое войско будет гораздо больше и сильнее прежнего.

Теперь Мэгг уже не говорил, а кричал.

– Я, Мэгг, добился этого! Я, Мэгг, второй по могуществу после повелителя Земли Смерти! Я, Мэгг, говорю от его имени! Я его самый доверенный посланник. И я едущий из королевства в королевство, собирая армии, чтобы уничтожить Сыновей Дона и тех, кто присягнул им на верность! Весь Придайн будет моим... его владением! А те, кто осмелится выступить против него... если король Араун захочет быть милосердным, то он их просто убьет. Его Охотники выпьют их кровь. А другие, покорные, будут пресмыкаться в рабстве вечно!

Глаза Мэгга лихорадочно сверкали, бледный лоб его блестел от пота, щеки мелко дрожали.

– Вот что под клятвой обещал мне король Араун: когда-нибудь я, Мэгг, надену Железную Корону Аннуина!

– Ты не только предатель, но и глупец, – твердым голосом сказал Гвидион. – Причем глупец вдвойне. Во-первых, потому, что поверил словам Арауна. Во-вторых, потому, что уверил себя, будто король Смойт станет слушать твои безумные слова. Ты убил его? Только мертвый станет он внимать твоим змеиным речам.

– Смойт жив, – ответил Мэгг. – И мне нужен не он, а его вассалы. Смойт прикажет им верно служить моему хозяину и мне!

– Король Смойт скорее даст вырвать себе язык! – вскричал Тарен.

– Быть может, так и будет. Немой он послужит мне ничуть не хуже. Даже лучше. Я стану возить его с собой и говорить от его имени. И все же, – задумчиво произнес Мэгг, – я бы предпочел, чтобы приказы звучали из его собственных уст. Есть много способов развязать язык, не отрезая его. Некоторые из них уже испробованы.

Глаза Мэгга сузились.

– И лучший из этих способов стоит сейчас передо мной. Ты, лорд Гвидион, и ты, скотник. Вы поговорите с ним. Пусть Смойт поймет, что должен мне

покориться. – Мэгг криво усмехнулся. – От этого зависит ваша жизнь.

Главный Управитель слегка кивнул. Стража выступила вперед.

Пленников грубыми тычками вытолкали из Большого зала. Потрясение и отчаяние так ошеломили Тарена, что он плохо сознавал, куда их ведут. Наконец воины остановились. Один рывком распахнул дверь. Другие втокнули пленников в узкую камеру. Дверь с протяжным скрипом закрылась. И темнота поглотила их.

Продвигаясь ощупью, Тарен споткнулся о распростертое на полу тело. Человек зашевелился и грозно взревел.

– Клянусь моими жилами и костями! – загудел голос короля Смойта, и Тарена тисками сжали могучие руки. – Ты осмелился прийти сюда, Мэгг? Тебе не взять меня живым!

Он бы задушил и раздавил Тарена, но тут Гвидион назвал свое имя и имена своих спутников. Хватка Смойта мгновенно ослабла, и Тарен почувствовал на своем лице огромную пятерню.

– Клянусь моей печенкой, вот это кто! – вскричал Смойт, когда они столпились вокруг него. – Сторож Свињи! Лорд Гвидион! Колл! Да я бы везде узнал твою лысую голову! – Его рука наткнулась на спутанную шерсть Гурги – А, и малышка, как его бишь, тоже здесь! Рад встрече, друзья мои! – Смойт вдруг тяжело застонал. – И не рад ей, по правде говоря. Как этот скользкий червяк сумел заманить вас в ловушку? Этот напомаженный холуй поймал нас всех!

Гвидион коротко поведал Смойту, что с ними произошло.

Рыжебородый король бешено заревел:

– Мэгг схватил меня так же легко, как и вас. Вчера я завтракал и едва приступил к еде, как слуга сообщил, что со мной хочет поговорить посланник лорда Гориона. Я знал, что у Гориона распри с лордом Гастом. Как всегда, из-за угона коров. Эх, закончатся ли когда-нибудь бесконечные свары между князьями Придайна? Тем не менее, поскольку накануне я выслушал лорда Гаста, я счел,

что будет справедливо послушать и Гориона.

Смойт фыркнул и хлопнул себя по могучим ляжкам.

– Прежде чем я успел проглотить то, что уже запихнул в рот, воины Мэгга набросились на меня. Клянусь сердцем и селезенкой, некоторые из них надолго запомнят Смойта! Но в засаде было и другое войско. Они ворвались через ворота. – Смойт закрыл лицо руками. – Что до моих людей, то тех, кого не убили, заперли в караульне и в оружейной.

– А ты, – с тревогой спросил Тарен, – тебе больно? Мэгг говорил о пытках.

– Больно? – Смойт взревел так громко, что эхо заметалось между стен. – Пытка? Я все стерплю! У меня достаточно толстая шкура. Мэгг ломает зубы о мои кости! Мне он не страшнее, чем укусы блохи или царапина от колючки куманики. Да мне приходилось хуже и в дружеской потасовке.

Он поднялся во весь свой могучий рост.

– Больно, говоришь? – наступал он на Тарена. – Да оказаться пленником в собственном замке в тысячу раз больнее, чем пытка раскаленным железом! Клянусь каждым волоском моей бороды! Моя крепость, а я в ней узник! Только подумай – быть одураченным в собственном Большом зале! Мою собственную еду вырвали у меня изо рта! Посмели нарушить мой завтрак! Пытка? Нет, похуже! Этак и аппетит можно потерять!

Тем временем Колл и Гвидион, насколько позволял тусклый свет, изучали стены, пытались найти в них хоть какую-нибудь трещину. Теперь, когда глаза Тарена привыкли к темноте, он тоже огляделся и понял, что усилия друзей тщетны. Окон в помещении не было – воздух проникал к ним лишь сквозь крошечную решетку в двери. Пол был не земляной, а из плотно подогнанных каменных плит.

Сам Смойт, уразумев, что ищут Гвидион и Колл, мотнул головой и гулко затопал подкованными железом башмаками.

– Крепкий, как скала! Знаю, сам это все строил. Не тратьте силы, друзья мои. Стены рухнут не раньше, чем я сам.

– Как глубоко под землей твоя темница? – спросил Тарен, чьи надежды на побег таяли с каждым мгновением. – Можем ли мы сделать подкоп?

– Темница? – зарычал Смойт. – У меня в Каер Кадарн нет больше темниц. В прошлую нашу встречу ты сказал, что от темниц никакого проку. Ты был прав, и я их замуровал. Теперь в моем королевстве нет преступлений, с которыми я не мог бы быстрее и легче разобраться несколькими словами. Мне даже не приходится пускать в ход кулаки – достаточно их просто показать. Темница! Ха! Это запасная кладовая.

Он сердито заворчал.

– Эх, если бы только я набил ее припасами так же основательно, как основательно сложил ее стены! Пусть Мэгг приносит каленое железо и плети! Я их и не замечу, ибо меня терзают воистину адские муки! Кладовая точно под кухней! А у меня во рту маковой росинки не было уже два дня! А кажется, что уже два года! Подлый предатель пирует без остановки. А я? Мне всего лишь достается запах его праздничных кушаний. О, он мне заплатит! – вскричал Смойт. – Вот этими руками я выдавлю из его хилой глотки все пудинги, что он когда-либо проглотил!

Гвидион подошел к разъяренному Смойту.

– Твоя кладовая может стать нашей могилой, – сказал он мрачно. – И не только нашей. Ффлеуддур Ффлам ведет своих спутников сюда. Челюсти Мэгга могут сомкнуться на их шеях так же крепко, как сомкнулись на наших.

Глава пятая

Наблюдатель

Хотя Ффлеуддур быстро привел Эйлонви, короля Руна и Глеу к гавани на Аврен, их возвращение с корабля оказалось не таким скорым. Сперва король Моны

самым невероятным образом кувыркнулся через голову своей серой в яблоках лошади, когда та резко остановилась, чтобы попить воды из реки. Бедняга вымок до нитки, но ничуть не огорчился. Однако во время падения пояс Руна расстегнулся, и меч упал на мелководе. Рун не мог вытащить его сам, потому что запутался в лошадиной сбруе. Пришлось нырять в реку Ффлеуддур. Он достал меч, но вымок с ног до головы. Глеу теперь упирался и свирепо протестовал, не желая ехать в седле позади мокрого барда.

– Тогда иди пешком, мелкий прохвост, – вскричал раздосадованный Ффлеуддур, дрожа и прихлопывая себя по бокам, чтобы согреться. – И желательно в обратном направлении!

Глеу только высокомерно фыркнул и отказался даже пошевелиться.

Эйлонви нетерпеливо топнула ногой:

– Может, поторопитесь? Мы поехали заботиться о лорде Гвидионе, а не можем позаботиться о себе.

Бывший великан наконец согласился ехать с Эйлонви на ее Ллуагор, и они снова двинулись в путь. Однако на Ллиан вдруг напало игривое настроение. Она рванула вперед на огромных мягких лапах и весело завертелась на месте. Сидящий на кошке Ффлеуддур мертвой хваткой вцепился в ее золотисто-коричневую шею. Он только и смог, что не позволить ей упасть на спину и кататься по траве вместе с ним.

– Она... редко вытворяет такое... – выкрикивал бард, взлетая вместе с прыгающей кошкой, которая весело носилась кругами. – Она... на самом деле... довольно хорошо... себя ведет! Ругать ее... бесполезно. Это ни к чему... не приведет!

В конце концов ему пришлось одной рукой сорвать с плеча арфу и тронуть струны. Ллиан тут же успокоилась.

Вскоре после полудня бард услышал слабый звук боевого рога.

– Это Тарен, – сказал Ффлеуддур. – Они беспокоятся о нас. Ничего, надеюсь, мы их скоро нагоним.

Путники пришпорили коней, но расстояние между ними и отрядом Гвидиона не уменьшалось. С наступлением темноты они, усталые, решили остановиться на ночлег.

Утром с новыми силами двинулись в путь. По расчетам Ффлеуддура, они отстали от товарищей не больше чем на полдня. Король Рун, которому не терпелось попасть в Каер Кадарн, без передышки понукал свою серую в яблоках кобылку, но она все равно не могла бежать так же быстро, как Ллиан и Ллуагор. Эйлонви и Ффлеуддуру часто приходилось сдерживать своих скакунов и поджидать пыхтящего в седле Руна.

День был в самом разгаре. Они немного притомились и ехали неспешным шагом, когда король Рун вдруг радостно вскрикнул. Впереди взглядам открылся Каер Кадарн. За деревьями уже явственно различался темно-красный стяг на башне. Спутники готовы были пришпорить коней, когда Эйлонви подняла руку, призывая остановиться. Она, нахмурившись, смотрела на стяг.

– Как странно, – произнесла Эйлонви. – Я вижу славного черного медведя короля Смойта. Но ведь Гвидион уже должен был приехать. Почему же не развеивается знамя Дома Дон? Королева Телерия учила меня, что долг вежливости предписывает поднимать на башне флаг знатного гостя, члена королевского дома. Я не вижу Золотого Солнца Дон. Странно.

– В обычных обстоятельствах это необходимо, согласен, – ответил Ффлеуддур. – Но вряд ли сейчас лорд Гвидион жаждет, чтобы кто-нибудь знал о его приезде. Он, вероятно, попросил Смойта не придавать значения условностям. Вполне разумная предосторожность.

– Да, конечно, – согласилась Эйлонви, – а я об этом и не подумала. Какой же ты умный!

Бард счастливо улынулся:

– Опыт, принцесса. Большой опыт. Но не расстраивайся. Ты еще наберешься мудрости.

– И все равно, – не успокаивалась Эйлонви, когда они двинулись вперед, – странно, что и ворота закрыты. Зная короля Смойта, я бы ожидала, что ворота замка будут распахнуты настежь и нас встретит почетный караул во главе с самим Смойтом.

Ффлеуддур только отмахнулся.

– Ничего подобного, – небрежно сказал он. – Лорд Гвидион идет дорогой смертельной опасности, а не гуляет на пиру. Я знаю, как это делается. Привелось выполнять тысячи секретных заданий... ну... уж одно-два точно, – поспешно добавил он, косясь на арфу. – Вот почему я заранее был уверен, что Каер Кадарн будет закрыт на все задвижки, замки и щеколды – плотно, как раковина устрицы.

– Да, – опять согласилась Эйлонви, – я уверена, что ты больше меня знаешь о таких вещах.

Тем не менее она пристально вглядывалась в грозно молчащий замок и наконец сказала неуверенно:

– Король Смойт, насколько я знаю, не воюет сейчас с соседями. Двух дозорных на стенах было бы вполне достаточно. Зачем там стоит целый отряд лучников?

– Естественно, для защиты лорда Гвидиона, – ответил бард.

– Но если никто не должен знать, что Гвидион здесь... – упорствовала Эйлонви.

– Клянусь Великим Белином, – воскликнул Ффлеуддур, останавливая Лиан, – из-за тебя у меня голова пошла кругом! Ты хочешь сказать, что Гвидиона в Каер Кадарн нет? Если так, мы это скоро выясним. А если он там, то тем более выясним. – Ффлеуддур почесал взъерошенную голову. – Но если его там нет, тогда почему нет? Что могло случиться? А если он там, то о чем беспокоиться? Да-а, если же его там нет... О проклятье! Ты и меня заставила опасаться. Я не понимаю...

– Вот и я не понимаю, – ответила Эйлонви. – Все, что я знаю... а я даже не знаю, что я знаю... Ой, не могу я объяснить!.. Просто я вижу, что замок на вид

неправильный... Нет, не на вид, а... На вкус? Нет... В общем, не важно! – вдруг взорвалась она. – У меня от него мурашки по коже, и вообще он мне не нравится. В твоём опыте, Ффлеуддур, я не сомневаюсь, но мои бабушки и прабабушки все до одной были волшебницами. И я бы стала волшебницей, если бы не решила стать просто молодой леди.

– Волшебство! – недовольно пробормотал бард. – Держись от него подальше! Не суй нос не в своё дело... Это тоже мой опыт. Волшебство никогда до добра не доводит.

– Послушай, – вмешался Рун, – если принцесса чувствует что-то неладное, я охотно съезжу вперед и все выясню. Честно постучу в ворота и все выпрошу.

– Ерунда! – отмахнулся Ффлеуддур. – Я уверен, там все в порядке. – Струна на арфе оборвалась и громко зазвенела. Бард прокашлялся. – Нет, по правде говоря, вовсе не уверен. Клянусь Великим Белином! Девушка заронила мне в голову мысль, которую я никак не могу оттуда вытряхнуть. С одной стороны, все выглядит нормально, а с другой – все не так... – Он обернулся к Эйлонви: – Просто для того, чтобы успокоить тебя... меня то есть... я первым пойду и все разведу. Как странствующий бард, я могу входить и выходить куда заблагорассудится. Если что-то не так, никто меня не заподозрит. А если нет, то тем более беды не будет. Оставайтесь здесь. Я очень скоро вернусь. И мы еще посмеемся над всем этим за столом короля Смойта, – добавил он без всякой уверенности.

Бард спешил. Он справедливо рассудил, что лучше не привлекать внимания, приехав верхом на исполинской кошке.

– А ты, – предупредил он к Глеу, – постарайся не вредить. Не хочется выпускать тебя из виду, но за тобой последит Лиан. Ее глаза острее моих. И зубы тоже.

И бард пешком отправился к замку. Спустя некоторое время Эйлонви увидела, как приоткрылись ворота и Ффлеуддур исчез за ними. Затем все стихло.

К ночи девушка серьезно забеспокоилась, потому что бард так и не появился, а из замка не доносилось ни звука. Ожидая возвращения Ффлеуддура, они

скрылись в зарослях, но сейчас Эйлонви вышла на пригорок и с тревогой смотрела на замок.

– Все неправильно! – воскликнула и нетерпеливо шагнула вперед.

Король Рун потянул ее назад:

– Может, как раз наоборот. Будь там опасность, он бы сразу вернулся нас предупредить. Наверняка сейчас король Смойт потчует его ужином или... – Рун сжал рукоять меча. – Я пойду и посмотрю!

– Нет, ты не пойдешь! – вскричала Эйлонви. – С самого начала надо было идти мне. И никому не уступать.

Рун, однако, настаивал. Эйлонви упорствовала. Они горячо, хотя и шепотом, спорили, когда появился запыхавшийся бард.

– Это Мэгг! Он всех схватил! – Голос Ффлеуддура был исполнен такого же отчаяния, как его бледное лицо в свете луны. – Они угодили в западню!

Эйлонви и Рун в ужасе слушали рассказ Ффлеуддура.

– Сами стражники толком не знают, кто их пленники. Только то, что четверо, включая Смойта, заперты за измену. За измену! Такую ложь рассказал Мэгг стражникам! Думаю, им велели хватать каждого, кто войдет в замок. К счастью, этот приказ не касается странствующих бардов. Барды так часто поют за миску похлебки и кусок хлеба, что воины меня и не заподозрили, хотя глаз не спускали и не позволили даже близко подойти к Большому залу или к кладовой, куда поместили пленников. Но я мельком заметил Мэгга. Гадкий, ухмыляющийся паук! Как бы мне хотелось его раздавить! – Ффлеуддур сжал кулаки и поморщился. – Воины заставляли меня играть на арфе до тех пор, пока руки не онемели. Иначе я бы уж давно вернулся. Но я не смел остановиться, иначе бы они почуяли неладное. И правильно бы почуяли!

– Как нам вызволить друзей? – перебила Эйлонви. – Меня сейчас не интересует, почему их заперли. Потом спросим. Сперва надо их вытащить.

– Невозможно, – в отчаянии проговорил Ффлеуддур. – Нас всего четверо, считая Глеу...

Глеу фыркнул. Обычно его не трогало то, что не касалось лично его. Но тут он возбудился.

– Когда я был великаном, то мог легко снести любую стену... – начал он.

– Хватит вспоминать, как ты был великаном, – оборвал его Ффлеуддур. – Теперь-то ты всего-навсего коротышка! Наша единственная надежда – отправиться вглубь кантрефа, сообщить кому-нибудь из здешних князьков, что произошло, и ждать, когда тот соберет войско.

– На это уйдет слишком много времени, – воскликнула Эйлонви. – Лучше помолчите и дайте подумать!

Она поднялась на взгорок и устремила взор к замку, который тоже, казалось, грозно глядел на нее своими бойницами. Мысли ее бежали, обгоняя одна другую, но ясный план так и не вырисовывался. Она уже готова была зарыдать от отчаяния, когда вдруг уловила за деревом какое-то движение. Не решаясь повернуть голову, уголком глаза Эйлонви наблюдала за странной горбатой тенью, которая теперь замерла, как будто затаилась. Делая вид, что ничего не заметила, Эйлонви направилась словно бы к Руну и Ффлеуддур, а на самом деле мало-помалу забирала в сторону, осторожно приближаясь к дереву, за которым притаилась подозрительная тень.

Внезапно, быстрая, как Ллиан, Эйлонви прыгнула на сгорбленную фигуру. Та вдруг распалась на две части. Горб покатился в одну сторону, а другая половинка тени приглушенно взвизгнула. Эйлонви била, лягалась, царапалась. Мгновение – и Рун с Ффлеуддуром оказались рядом с ней. Бард ухватился за один край отбивающейся тени, Рун вцепился в другой.

Эйлонви отскочила на шаг и быстро достала из складок плаща золотой шар. В ее ладонях шар начал мерцать и разгораться. Принцесса поднесла его поближе к дергающейся фигуре и обомлела. Золотые лучи высветили бледное, морщинистое личико с длинным вислым носом и маленьким скорбным ртом. Беспорядочные космы жидких волос ниспадали на два испуганных, яростно моргающих глаза.

– Гвистил! – выдохнула Эйлонви. – Гвистил из Дивного Народа!

Бард тут же ослабил хватку. Гвистил выпрямился, сидя на земле, потер тощие руки, затем поднялся на ноги, запахнул плащ и кисло поздоровался:

– Как приятно видеть вас снова. Очень рад, поверьте мне. Я часто о вас думал. А теперь я пойду. До свидания. Мне пора.

– Помоги нам! – взмолилась Эйлонви. – Гвистил, пожалуйста. Наши друзья брошены в тюрьму в замке Смойта.

Гвистил обнял руками голову. Лицо его плаксиво сморщилось.

– Пожалуйста, пожалуйста, – простонал он, – не кричи. Я нездоров и не могу сегодня выносить крики. И будь так добра не светить этой штукой мне прямо в глаза. Нет, нет, это уж слишком. Мало того что на тебя набросились, кинули на землю, придавили, а тут еще орут и ослепляют! Как я уже говорил... да, приятно вас встретить. Конечно, я бы охотно помог. Но пожалуй, в другой раз. Когда мы все не будем так расстроены.

– Гвистил, неужели ты не понимаешь? – вскричала Эйлонви. – Ты разве не слышал, что я сказала? «В другой раз»! Нет, сейчас! Ты должен нам помочь сейчас! У Гвидиона украли меч. Ты слышишь? Дирнвин исчез! Он у Арауна! Понимаешь, что это значит? Хуже ничего быть не может! И как Гвидион вернет себе меч, если сам оказался в темнице и его жизнь в опасности? И Тарен... и Колл... и Гурги...

– Бывают такие неудачные дни, – вздохнул Гвистил. – Что тут поделаешь? Ничего, увы. Будем надеяться, что все образуется, хотя надежды, конечно, мало... Но ничего другого не остается. Да, я знаю, что Дирнвин украли. Очень досадно!

– Ты уже знаешь? – удивился бард. – Клянусь Великим Белином, тебе известно и где он! Ну, говори!

– Понятия не имею, – выдохнул Гвистил с таким отчаянием, что Эйлонви ему поверила. А он продолжал, скорбно насупившись: – Но не это меня беспокоит. А

вот то, что происходит вокруг Аннуина... – Он поежился. – Охотники собираются. Дети Котла появились – целое войско. Этого достаточно, чтобы слечь в постель. – Гвистил прижал руку к бледному лбу. – И это всего лишь половина бед. Некоторые владетели кантрефов собрали войска, а их военачальники держат совет в Аннуине. Там всюду воины: внутри, снаружи, везде, куда ни глянь. Я даже испугался, что они отыщут мои тоннели и придорожные сторожевые норы. В наше время я единственный наблюдатель Дивного Народа вблизи Аннуина... Тем печальнее, тем печальнее. Накопилось столько работы... Поверьте мне, вашим друзьям лучше оставаться там, где они сейчас. Безопаснее. Что бы с ними ни сделали, это лучше, чем сунуться в гнездо шершней. Если случайно вы их снова увидите, передавайте мои самые искренние приветствия. Мне жаль, мне ужасно жаль. Но я больше не могу задерживаться. Я спешу в королевство Дивного Народа. Король Эйддилег должен узнать обо всем без промедления.

– Если король Эйддилег узнает, что ты нам не помог, – возмущенно выпалила Эйлонви, – ты пожалеешь, что покинул свой наблюдательный пост.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/ru/aleksander_lloyd/verhovnyy-korol

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)